

НУЛЕВОЙ МАРШРУТ

роман

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Алексей Корнелюк
Нулевой маршрут
Серия «Не умирай пока не
прочитаешь эти книги», книга 5

<https://litres.ru/74210042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Савельев всю жизнь учил людей брать ответственность за свою судьбу. После внезапной смерти он приходит в себя в ночном автобусе с номером 0. В салоне — незнакомцы, у каждого билет с одной фразой, которой он оправдывал самые важные поступки своей жизни.

Автобус не судит и не прощает. Он лишь возвращает каждому то, что действительно принадлежит ему: вину, выбор, последствия — или чужую боль, которую человек нёс слишком долго.

Но чем дальше идёт маршрут, тем яснее становится: Кирилл здесь не проводник. Он один из пассажиров. А последняя остановка связана с его дочерью, чью историю он однажды превратил в чужое спасение и собственный успех.

Чтобы выйти, Кириллу придётся сделать то, чему он учил других, но сам никогда не умел: назвать свою ответственность

точно — без оправданий, красивого раскаяния и надежды на прощение.

Алексей Корнелюк

Нулевой маршрут

Нулевой маршрут

Первым Кирилл увидел компостер.

Он лежал у него в руке — тяжёлый, металлический, с чёрными потёртыми ручками, какие можно было встретить разве что в краеведческом музее или в автобусе, который двадцать лет не прошёл техосмотр, но продолжал работать из упрямства. Кирилл сжал ручки. Внутри щёлкнуло. Звук получился ясным и деловым, словно где-то только что утвердили документ.

Автобус двигался.

Кирилл стоял в проходе, широко расставив ноги, чтобы не упасть на повороте. На нём была тёмно-синяя форменная куртка с серебристыми пуговицами. Куртка сидела тесно в плечах и пахла мокрой шерстью, табаком и чужим дезодорантом. Через левое плечо висела кожаная сумка. Такие сумки когда-то носили кондукторы, почтальоны и люди, которым государство доверяло мелочь.

Кирилл опустил компостер и огляделся.

Салон был пуст. Серые пластиковые сиденья, вертикальные поручни, мутные окна. Над дверями горело электронное табло, но никаких остановок не показывало. Чёрный прямоугольник с несколькими мёртвыми красными точками. На полу перекачивалась крышка от бутылки. При каждом повороте она ударялась о ножку сиденья и возвращалась назад,

будто выполняла упражнение на выносливость.

За окнами шёл ночной город.

Кирилл узнал проспект, по которому ездил сотни раз. Справа проплыла круглосуточная аптека, слева — магазин бытовой техники с огромным рекламным экраном. По экрану бесконечно открывался холодильник, внутри которого стояли три бутылки воды, лимон и одинокий контейнер с салатом. Человек, придумавший эту рекламу, вероятно, считал одиночество признаком высокого дохода.

Ни машин, ни пешеходов на проспекте не было.

Светофоры исправно переключались. Красный, жёлтый, зелёный. Никто не ехал, никто не переходил дорогу, но система продолжала обслуживать движение, которого не существовало. На остановках горели панели с расписанием. В окнах домов мерцали телевизоры. На балконе пятого этажа сохло бельё, хотя ветра не было.

Кирилл посмотрел на наручные часы.

Экран не загорелся.

Он нажал боковую кнопку. Потом ещё раз, дольше. Умные часы стоили как две средние зарплаты и обещали измерять уровень кислорода, качество сна, стресс и готовность организма к нагрузкам. Сейчас они не могли показать даже время.

Телефон лежал во внутреннем кармане куртки. Не его куртки.

Кирилл достал аппарат. Чехол был его — тёмно-зелёный,

с трещиной возле камеры. Сам телефон тоже принадлежал ему. На экране застыла белая эмблема производителя. Перегрузка не заканчивалась.

Последним ясным воспоминанием был служебный коридор за сценой. Вода в пластиковой бутылке оказалась тёплой. Помощница Марина — не та Марина, которую он когда-либо любил, и не та, которую мог бы вспомнить сейчас, а двадцатishестилетняя девушка с планшетом и привычкой говорить «буквально» перед любым числом — сообщила, что в зале закончились книги.

— Буквально все, — сказала она.

— Все книги или все люди?

Она не поняла.

Кирилл выпил воду. За стеной продолжали хлопать. Кто-то выкрикивал его имя. Ему предстояло выйти на автограф-сессию, улыбаться, спрашивать, как зовут читателя, и писать на титульном листе короткие фразы, достаточно личные, чтобы человек сфотографировал их для социальной сети, но достаточно универсальные, чтобы Кирилл не тратил больше восьми секунд.

«Не бойтесь выбирать себя».

«Ваше настоящее начинается сегодня».

«Вы уже знаете ответ».

Последняя фраза особенно нравилась людям, которые не знали ответа.

Дальше в памяти ничего не было.

Кирилл прошёл к передней площадке. Автобус качнуло, и сумка ударила его по бедру. Водитель сидел за перегородкой. Высокая спинка кресла, тёмные плечи, затылок под форменной фуражкой. Лица в зеркале не отражалось. Само зеркало было повернуто так, что показывало пустые сиденья.

— Добрый вечер, — сказал Кирилл.

Водитель не шевельнулся.

— Вы меня слышите?

Автобус свернул на улицу, по которой не ходил ни один маршрут. Кирилл знал это точно: три года назад здесь сделали платную парковку, убрали выделенную полосу и поставили бетонные вазоны. Сейчас вазоны стояли вдоль дороги, однако автобус проходил сквозь них. Не разбивал, не отбрасывал. На секунду бетон исчезал под лобовым стеклом и снова появлялся позади.

Кирилл постучал костяшками по перегородке.

— Остановите автобус.

Никакой реакции.

Он нажал красную кнопку над дверью. Кнопка загорелась, но звук не прозвучал. Кирилл нажал снова. Потом удерживал её, пока палец не заболел.

Автобус ехал дальше.

Паника была грубым словом. Оно плохо подходило к человеку, который семь лет объяснял другим устройство тревоги. Паника звучала как потеря управления, а Кирилл управление пока не потерял. Он просто находился в движу-

щемся автобусе без пассажиров, с неработающим телефоном, в форме кондуктора, не помня, как сюда попал.

Существовали объяснения.

Обморок. Лекарства. Розыгрыш. Съёмка. Сбой восприятия после перегрузки. Возможно, кто-то из организаторов решил устроить необычную рекламную кампанию. На последнем фестивале книжный блогер провёл ночь в прозрачной коробке, чтобы привлечь внимание к роману о социальной изоляции. Коробка стояла в торговом центре рядом с магазином нижнего белья. Люди фотографировались с изоляцией и шли покупать носки.

Кирилл снова посмотрел на водителя.

— Это постановка?

Водитель чуть повернул голову.

Кирилл успел увидеть лишь линию щеки или тень от подголовника. Затем автобус нырнул под мост, и кабина погасла.

В темноте над дверями загорелось табло.

ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ

Буквы держались несколько секунд. Потом исчезли.

Автобус начал тормозить.

За окном появилась остановка. Кирилл не помнил её на этом месте. Узкий павильон с плоской крышей, металлическая скамья, световая панель с расписанием. Вокруг — пустырь, хотя минуту назад автобус ехал по центру города. За пустырём возвышались недостроенные дома. Тёмные бетонные коробки без окон.

На скамье сидела женщина.

Она держала на коленях белый пластиковый пакет. Сквозь него просвечивали клетчатые тапочки, пачки салфеток и коробки лекарств. Рядом стояла дамская сумка с обломанной ручкой. Женщина была в сером пальто, под которым виднелась домашняя кофта с мелкими голубыми цветами. Волосы собраны кое-как, на затылке торчала пластмассовая заколка.

Автобус остановился точно напротив неё.

Передние двери открылись.

Женщина не сразу поднялась. Посмотрела на автобус, затем на табло над лобовым стеклом. Там светился ноль.

Она подошла ближе.

— До медицинского центра идёте?

Кирилл ждал, что ответит водитель.

Водитель молчал.

Женщина поднялась на первую ступеньку и посмотрела на Кирилла. Его форменная куртка решила вопрос о полномочиях.

— До центра? — повторила она.

Кирилл мог сказать, что не знает. Эти два слова были точными, но бесполезными. Женщина уже стояла одной ногой в автобусе, вторая оставалась на мокром асфальте. Пакет с тапочками врезался ей в пальцы. Она выглядела так, будто несколько часов подряд выполняла действия, которые нельзя было отложить: звонила врачам, искала документы, скла-

дывала вещи, заряжала чужой телефон.

— Заходите, — сказал Кирилл.

Женщина поднялась в салон.

Двери закрылись сразу за ней. Она вздрогнула и прижала пакет к груди.

— Резко у вас.

— Старый механизм.

— Автобус вроде новый.

Кирилл посмотрел на потёртые поручни, трещины в пластике и мутные плафоны.

— Внутри старый.

Женщина кивнула. В этой фразе она услышала объяснение, и ей хватило.

Автобус тронулся.

— Мне до центра на Садовой, — сказала она. — Там брат. Вы скажете, где выходить?

— Скажу.

Кирилл произнёс это спокойно. Спокойный голос люди принимали за знание. Он много лет пользовался этой особенностью человеческого слуха и никогда не считал её обманом. Скорее услугой. Неопределённость становилась легче, если рядом находился человек, готовый говорить без запинок.

Женщина прошла в салон и села на одиночное сиденье у передней двери. Поставила пакет между ног, раскрыла сумку, проверила содержимое. Паспорт. Зарядка. Бутылка воды.

Пачка влажных салфеток. Несколько блистеров с таблетками. Она пересчитала их, закрыла сумку и через несколько секунд открыла снова.

— Вы давно ждёте? — спросил Кирилл.

— Автобус?

— Вообще.

Женщина посмотрела на него с подозрением. Потом решила, что вопрос просто неудачно сформулирован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.